

Сюань Чжэн велел всем выйти.

Линь Чэньюй чуть заметно усмехнулся:

— Ты всё видел.

Сюань Чжэн кивнул.

— Я именно такой человек. Если ты испугался, то в будущем мы... — Линь Чэньюй попытался сделать вид, что ему всё равно, но это далось с трудом.

Сюань Чжэн нахмурился и, глядя в нарочито холодные глаза Линь Чэньюя, внезапно произнес:

— Они перешли все границы. Как они посмели обидеть моего Чэньюя?

Линь Чэньюй опешил:

— ...Что?

Сюань Чжэн продолжал негодовать:

— Даже если бы ты не поднял на них руку, я бы сделал так, что они молили бы о смерти, но не получили её. Как они посмели похитить моего Чэньюя? Это тягчайшее преступление!

— Ты не ранен? — Сюань Чжэн достал платок и принялся бережно вытирать лицо Линь Чэньюя. — Проклятье, чья это кровь? Ты ранен? Где болит? Скорее скажи мне!

Сердце Линь Чэньюя наконец успокоилось. Он покачал головой и ответил:

— Я не ранен. Это их кровь.

Сюань Чжэн всё ещё кипел от гнева:

— Как их мерзкая кровь могла попасть на твое лицо? Разве они достойны этого?!

Хромой, у которого оставался последний вздох, услышав эти слова, исторг из себя полный рот крови и испустил дух, буквально задохнувшись от ярости.

Глава императорской гвардии Фэн Юаньюань велел подчиненным забрать детей из дома и разместить их в безопасности, чтобы позже вернуть родным. Дверь была ветхой, и, стоя под навесом, он отчетливо слышал всё, что происходило внутри. Десять фраз из восьми принадлежали его светлости, который рассыпался в заботливых расспросах, причем тон его был куда нежнее, чем у девицы. Фэн Юаньюань невольно содрогнулся — от такого голоса у него волосы на руках встали дыбом.

Неизвестно, что за чудо это дитя, раз смогло превратить его сурового господина в подобие нежной новобрачной. Кто во всей столице не знал, что с князем Линьхуаем шутки плохи? Скверный характер, жестокие методы — того, кто перейдет ему дорогу, ждет незавидная участь. И при этом император во всём потакал младшему брату, готов был достать звезду с неба, так что жаловаться на него было себе дороже.

Фэн Юаньюань взглянул на небо — до рассвета оставался всего час. Поразмыслив, он тихо постучал в дверь:

— Ваше высочество, пора возвращаться.

Сюань Чжэн отозвался, подхватил бедного маленького Чэньюя и усадил его себе на руку. Сам он был высокого роста, с детства занимался боевыми искусствами и обладал крепким телосложением, так что держать человека на весу ему не составляло труда. Сюань Чжэн слегка подбросил мальчика и недовольно заметил:

— Ты что, совсем не ел? Легкий, как перышко.

— Вовсе нет, — Линь Чэньюй вспомнил те дни, когда они ели и спали вместе, и Сюань Чжэн следил за каждым его приемом пищи, не позволяя съесть ни крошки меньше положенного. — Я съедаю по пять чашек за раз.

Сюань Чжэн хмыкнул и, зашагав к выходу, ответил:

— Рассказывай сказки.

Линь Чэньюй в шутку вцепился в его лицо, пытаясь силой убедить в своей правоте:

— Правда! Если вру, пусть я буду щенком.

— Ладно, ладно, пять чашек, — Сюань Чжэн не верил, что это хрупкое тельце способно одолеть такой объем, но ничего не мог поделать — он был совершенно беззащитен перед тем, как этот маленький негодник пускал в ход свое обаяние.

Фэн Юаньюань следовал позади, с изумлением наблюдая, как юный господин дома Линь выдергивает волоски из гривы тигра, не только оставаясь невредимым, но и заставляя свирепого хищника покорно сносить любые выходки. Он должен доложить императору: князь сошел с ума!

Фэн Юаньюань заранее отправил людей сообщить семье Цзя, что юный господин найден, чтобы они не волновались. Но как Цзя Минь могла спокойно сидеть в усадьбе? Получив весть, она вышла ждать у ворот. Какие там приличия, какие посторонние мужчины — в этот момент для неё существовал только сын.

Линь Чэньюй, сидя перед Сюань Чжэном, зевал один за другим, его клонило в сон. Сюань

Чжэн, боясь, что мальчик уснет и упадет, крепко прижал его к себе:

— Хочешь спать — спи. Я держу тебя, не упадешь.

Линь Чэньюй откинул голову назад и мгновенно уснул, закутавшись в плащ Сюань Чжэна.

Когда он снова открыл глаза, Цзя Минь и Дайюй сидели у его постели. Стоило кому угодно проснуться и увидеть, что на него в упор смотрят четыре глаза, как он тут же испугался бы. Линь Чэньюй вздохнул, но не успел ничего сказать, как глаза Цзя Минь снова покраснели.

— Ты столько натерпелся! Эти проклятые убийцы, как они посмели украсть моего Чэньюя! — приговаривала она, заливаясь слезами.

Она не была плаксивой женщиной, но дети были смыслом её жизни. Любая царапина на них причиняла ей боль, а уж похищение бандитами... Одному небу известно, как она боялась, что больше никогда не увидит сына. Случись что, она бы не пережила этого горя.

Линь Дайюй мягко успокаивала её, хотя её собственные глаза тоже были на мокром месте:

— Брат благополучно вернулся, матушка, вам нужно радоваться. Если вы будете так убиваться, брат тоже расстроится.

Цзя Минь с трудом сдержала слезы. Линь Чэньюй спросил её:

— Когда Сюань Чжэн привез меня обратно, он что-нибудь сказал?

— Нет, — Цзя Минь и сама была озадачена. — Но откуда он узнал?

Линь Чэньюй спрятал лицо в одеяло, оставив снаружи только блестящие черные глаза, и сделал максимально невинный вид:

— Я и сам не знаю.

Цзя Минь с улыбкой стянула с него одеяло:

— Не душно тебе?

— Но... — Цзя Минь задумалась, в её голосе слышалось сомнение. — Кто он такой? Разве обычный член императорской фамилии может распоряжаться гвардией?

Линь Чэньюй превратился в попугая:

— Я и сам не знаю.

Цзя Минь не стала углубляться в раздумья. Увидев, что сын достаточно отдохнул, она велела ему встать и пойти поклониться бабушке. Старушка переживала не меньше остальных и всю ночь просидела с ней, отказываясь идти отдыхать.

Только она договорила, как послышался голос вдовствующей госпожи Цзя:

— Чэньюй перенес такие муки, не заставляйте его лишний раз двигаться, я сама пришла.

В комнату вошли госпожа Цзя, Ван Сифэн и другие. Цзя Минь обернулась:

— Матушка, зачем же вы пришли? Сейчас на улице такой ветер, негоже вам беспокоиться из-за этого непутевого.

Госпожа Цзя похлопала её по руке:

— Кто говорит такое? Мой Чэньюй самый послушный и заботливый. Если бы не те проклятые негодяи, разве пришлось бы ему так страдать?

В этих словах любовь госпожи Цзя к внуку проявилась в полной мере. Линь Чэньюй хотел встать, но бабушка поспешно остановила его:

— Лежи, лежи, ты столько пережил, тебе нужно как следует восстановиться.

Ван Сифэн добавила:

— Смотрите, у Чэньюя личико совсем осунулось. Тех негодяев нужно было подвергнуть мучительной казни.

Госпожа Цзя спросила:

— Известно ли, что стало с теми людьми?

Ван Сифэн ответила:

— Говорят, гвардейцы зарубили их на месте. Зрелище было кровавым.

Линь Чэньюй помрачнел, но на душе стало теплее. Он понимал, почему Сюань Чжэн так поступил — чтобы избежать пересудов, когда правда выйдет наружу. Хотя самому ему было всё равно, что скажут другие, сейчас он был искренне тронут.

Госпожа Цзя фыркнула:

— Поделом им! Эти бессердечные твари разлучают родных людей, их и тысячи смертей не искупят.

Люди приходили один за другим, и Линь Чэньюй, закончив со всеми любезностями, почувствовал себя совершенно измотанным.

— Выходи, — сказал он, обращаясь к пустой комнате, будто разговаривая сам с собой, но его взгляд был устремлен в конкретную точку. — Мне нужно тебя кое о чем спросить.

<http://bllate.org/book/20882/2111134>